

М.В. Иванова,
*профессор Литературного института,
доктор филологических наук,*

Организация словесных рядов в стиле «плетения словес»

За шесть веков до Андрея Белого в древнерусской литературе создаются шедевры орнаментальной прозы. Это произведения, написанные в стиле «плетения словес» в конце XIV — XV веков. В истории древнерусской словесности принято считать, что это — Жития Стефана Пермского и Сергия Радонежского, созданные Епифанием Премудрым, анонимное Житие Дмитрия Донского и под.¹

Так сложилось в нашей науке, что в ней долгое время обсуждалась проблема появления стиля «плетения словес» в древнерусской литературе в большей степени, чем исследование собственно языковой структуры этого стиля.

Связано это с тем, что, как известно, в конце XIX в. В.О. Ключевский — основатель научного изучения оригинальных русских житий (они интересовали его как источник фактических сведений о выдающихся событиях и людях Древней Руси), — не будучи ни литературоведом, ни языковедом, сделал некоторые замечания по поводу изощренности языка и риторических излишеств стиля житий конца XIV — начала XV вв., главным образом это касалось произведений Епифания Премудрого². Кроме того, он указал на схожесть языковой организации этих житий и литературного стиля, возникшего в Болгарии в эпоху патриарха Евфимия и отразившегося в южнославянской агиографии этого же периода.

А.И.Соболевский тоже в конце XIX в. обратил внимание на изменения во внешнем оформлении рукописей. Он указал на конкретные нововведения в графике и орфографии и сделал вывод о том, что между

половиною XIV и половиною XV веков русская письменность подпала под очень сильное влияние южнославянской письменности и в конце концов подчинилась этому влиянию³.

Соболевскому принадлежит и термин «второе южнославянское влияние», введенный им в конце XIX в. в лекциях, которые он читал в Петербургском археологическом институте и которые немного позже вошли в его книгу «Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв.»⁴.

Так случилось, что взгляды А.И. Соболевского на южнославянское влияние в письменности Руси конца XIV—XV вв. и мнение В.О. Ключевского о южнославянских образцах стиля для древнерусской литературы этого времени легли в основу утверждения в науке второго южнославянского влияния, которое стало рассматриваться уже не только как влияние на письменность, т.е. на внешнее оформление рукописей, но и на язык и стиль древнерусских памятников, на литературу и вообще на всю русскую культуру конца XIV—XV вв.⁵

Так появился миф и о втором южнославянском влиянии, и об эмиграции южнославянских монахов и книжников на Русь в связи с завоеванием Балкан турками и под.

Новый этап в изучении этой проблемы открылся докладом Д.С. Лихачева на IV Международном съезде славистов⁶. Он призвал к исследованию и второго южнославянского влияния, и стиля «плетения словес».

К изучению этих проблем обратились литературоведы, палеографы и лингвисты: Д.Ворт, Л.А.Дмитриев, Л.П.Жуковская, Б.А.Ларин, М.Мулич, Н.И.Толстой, Ф.П.Филин и др. Все эти исследования привели к пересмотру традиционной точки зрения на этот вопрос⁷.

И сегодня в связи со схожестью языковой композиции оригинальных русских житий конца XIV-XV вв. и литературного стиля, отразившегося в южнославянской агиографии, а также «украшенного стиля», известного в византийской литературе и сохранившегося во всей средневековой православной словесности, принято говорить о сходных литературно-языковых процессах и выработке единых стилистических принципов в мире *Slavia Orthodoxa*.

Таким образом, в русской, сербской и болгарской агиографиях, находящихся в зоне взаимодействия и взаимопроникновения церковнославянского и национального языков, происходили сходные языковые процессы, и в православной славянской литературно-языковой сфере вырабатывались единые стилистические позиции. Что же касается собственно стиля «плетения словес», то его отличают языковая изощренность и риторические излишества.

Главным принципом организации этого стиля является повтор на всех языковых уровнях и лексическая избыточность. Так, изученный словарь Жития Стефана Пермского⁸ — именно это житие является источником языкового материала для данной статьи — (112 страниц в издании Археографической комиссии 1897г.) насчитывает более четырех с поло-

виной тысяч различных слов, более 31 тысячи словоформ. Неслыханное лексическое богатство текста.

Обращаясь к анализу организации словесных рядов (термин В.В.Виноградова⁹), во-первых, следует напомнить, что Виноградов считал языковую композицию произведения, структуру текста развертыванием в нем словесных рядов, и не только собственно лексических, но и всех других языковых единиц и единств. Во-вторых, надо уточнить, что в данной работе рассматриваются только лексические словесные ряды.

Прежде всего, в стиле «плетения словес» обращает на себя внимание регулярно встречающееся употребление одного и того же слова в отдельном фрагменте текста (повтор на лексическом уровне) или рядом стоящие однокоренные слова в различном аффиксальном обрамлении (повтор на словообразовательном уровне), а также синонимы (повтор на семантическом уровне):

Перьмскѣю грамотѣ единѣ чернецъ сложилѣ, единѣ съставилѣ, единѣ счинил, единѣ калогерѣ, единѣ мнихъ, единѣ инокъ, Стефанъ, глаголю, приснопомнимыи епископѣ, единѣ во едино время, а не по многа времена и лета, акоже и они, но единѣ инокъ, единѣ въ единеньи ѹединьлѣсѣ, единѣ ѹединенѣ, единѣ единого Бога на помощь призы_вал, единѣ единомѣ Богѣ молясѣ и глагола: Боже и Господи, иже премѣдрости наставниче и смыслѣ даче, несмысленнымъ казателю и нищимъ защитниче, ѹтверди в разѹме сердце мое и дай же ми слово отчеѣ, да Тя прославляю в веки веком(309)¹⁰.

На протяжении всего текста обнаруживаются пары слов-вариантов (повтор на лексическом уровне). Под словами-вариантами понимаются тождественные по значению и весьма близкие фонематически однокоренные слова (в современном языке — это *шкафик-шкафчик, белехонький-белешенький* и под.)¹¹.

Здесь следует сделать оговорку по поводу того, что на историческом материале разграничить слова-варианты и словообразовательные синонимы сложнее, чем на материале современном, но условно такие пары однокоренных синонимов, у которых в контексте очевидна тождественная семантика, определяются как слова-варианты.

В области абстрактных существительных находятся и суффиксальные однокоренные образования с тождественным лексическим значением. Существительным с суффиксом *-ение* соответствуют образования с суффиксами *-ование, -ие, -ство*: *благовѣщеніе* (269 об) — *благовѣствованіе* (262 об) «благовещение», *отмщеніе* (287 об) — *отместіе* (277) «наказание», *славословеніе* (268 об) — *славословіе* (254 об) «восхваление», *ѹбийеніе* (272) — *ѹбийство* (270 об) «убийство».

Наряду с существительными с суффиксом *-ство* наблюдаются однокоренные образования с суффиксами *-ств-ова-ние, -ие*: *дѣйство* (257 об) — *дѣйствованіе* (279 об) «языческое действие», *насилъство* (283) — *насилъе* (320 об) «насилъе».

Бессуффиксальным существительным соответствуют образования с суффиксом *-ение/-ание* (два алломорфа одного суффикса): *досада*

(276 об) — досаждение (285 об) «обида», отпѣсть (264 об) — отпѣние (264 об) «прощение», помыслъ (290 об) — помышление (304) «помысл»; похвала (253) — похваление (333) «благодарность», принось (279 об) — приношение (279) «то, что принесено», ѡтеха (321) — ѡтешение (312 об) «успокоение», хѡла (275) — хѡление (266 об) «хула»; проповѣдь (266) — проповѣдание (265) «проповедь»; с суффиксом -ство: сѡета (260) — сѡетство (293) «суета»; с суффиксом -ота: мракъ (271) — мракота (337 об) «мрак», срамъ (294 об) — срамота (294 об) «стыд»; с суффиксом -ова: зло (307) — злова (286) «зло»; с суффиксом -ище: сѡдъ (291 об) — сѡдище (254 об) «суд Божий».

Наряду с большим числом пар безаффиксного и суффиксального образований существительных с абстрактным значением есть единственный пример такого соотношения в области конкретной лексики: храмъ (287) — храмина (292) «храм», где причиной развития синонимии является десемантизация суффикса.

Параллельно с существительными на -ованье выступают слова с суффиксами -ость, -нє: мѡдрованье (309) — мѡдрость (253 об) «мудрость», шєствование (260) — шєствнє (261 об) «путь». Заметим, что синонимичность слов мѡдрованье и мѡдрость определяется по контексту, хотя есть некоторые сомнения, поскольку первое слово указывает на отвлеченное действие, а второе — на отвлеченный признак.

Трехчленным рядом однокоренных слов с тождественной семантикой является ряд: жизнь (272) — житнє (290) — живот (290 об) «жизнь».

Наконец, среди суффиксальных существительных можно выделить две пары слов, обозначающих жителей определенной местности и отражающих неустойчивость этих образований в языке конца XIV в.: москвитинъ (283) — москвичъ (322), перминъ (309 об) — перменинъ (284). Заметим, что эта неустойчивость держалась вплоть до конца XVII — начала XVIII вв.¹².

Множество контекстов в стиле «плетения словес» представляет собой организованные цепочки синонимов, причем в такой позиции ими утрачиваются различия в значениях и усиливается тот компонент их семантики, по которому они и синонимизируются (повтор на семантическом уровне).

Как бы ни строились синонимические ряды в тексте жития, какие бы слова ни входили в их состав (древнерусские или имеющие формальные старославянские элементы), их отличительной чертой является объединение по общему, абстрактному значению. Это можно проиллюстрировать многими примерами. Так, в контексте по апоѡѡ ѡча и наказѡ мѡла и прѡта ѡказаа и^м пѡтъ истинныи наставляла и^х на стѣзю правжю (270) употреблены глаголы, которые по данным словарей имели следующие значения:

ѡчити — 1. Обучать. 2. Наставлять, поучать. 3. Научать, подучать. 4. Изучать;

наказовати — 1. Наставлять, поучать. 2. Учить, воспитывать, проповѣдать. 3. Приказывать, повелевать. 4. Наказывать, карать;

наставлѣти — 1. Направлять, указывать путь, наводить. 2. Наставлять, поучать. 3. Налагать (пошлины и т.п.). 4. Возводить, сооружать; ѹказати — 1. Указывать, показывать.

Таким образом, у глаголов наказовати, наставлѣти и ѹчити есть общее значение «поучать». У глагола же ѹказати есть значение «указывать», которое можно трактовать как вариант значения «поучать». Иначе говоря, ѹказати семантически сближается со словами ѹчити, наказовати, наставлѣти, и из этих четырех слов образуется синонимический ряд ѹчити — наказовати — наставлѣти — ѹказати с общим значением «поучать».

Еще один пример: и много по^визавса на добродѣте^а посто^а и м^твюу и ч^тотоу и см^рненіемъ въздержаніе^а и трезвѣніе^а и тръпѣніе^а и безловіемъ послѣшаніемъ и любовію (255). Выстраиваются синонимические ряды: 1) ряд въздръжаніе — постъ — трезвѣніе с общим значением «воздержание», с которым сближаются слова тръпѣніе в значении «терпение», см^рненіе в значении «обуздание» и чистота в значении «целомудрие» (как «воздержание»); 2) ряд послѣшаніе — любовь с общим значением «согласие», к которому примыкает слово безловіе в значении «кротость» (как «согласие»). Другими словами, в приведенном примере обнаруживаются слова, входящие в два синонимических ряда: въздръжаніе — постъ — трезвѣніе — тръпѣніе — см^рненіе — чистота с общим значением «воздержание» и послѣшаніе — любовь — безловіе с общим значением «согласие».

Синонимия здесь выступает как разрушение многозначности слова¹³, она служит усилению того значения, которое является общим для употребленных синонимов. В данных фрагментах текста нагнетается и дублируется один и тот же смысл.

Специфической чертой стиля «плетения словес» является такая организация текста, при которой слова, относящиеся к определенной тематической или лексико-семантической группе, сосредоточиваются в пределах одного фрагмента, выполняя своего рода текстообразующую функцию. Это, конечно, не означает, что все существительные одной тематической группы и все глаголы одной лексико-семантической группы сосредоточены в одном месте текста жития, но тенденция такого использования тематически и семантически однородных слов прослеживается в стиле достаточно отчетливо.

Так, например, тематическая группа существительных, обозначающих ландшафтные и природные явления, сосредоточена в относительно замкнутом фрагменте текста: все елико е^* в вода^х и елико на възв^сѣх и елико въз влатѣх и в дѣбрава^х и в горѣх и в лѣзе^х и в поросле^х и в чаща^х и в березнике и в соснагѣх и в елникѣх и в раменіе и в прочи^х лѣсе^х (288), а слова, составляющие тематическую группу существительных, обозначающих лицо по абстрактному признаку, даются так: вожа заблѣжши^а вѣрѣтателя погыбши^а наставника прелце^ны^а рѣководителя ѹмо^а вслѣпленны^а чистителя^а wskвернены^а взыскателя расточены^а оутѣшителя печалны^а кормителя^а алчущи^а подателя^а

требующи^и наказателя несмыслены^и помощника швидимы^и млтвенника тепла ходатаа вѣрны^и поганы^и спсителя вѣсо^и проклинателя кѣмиро^и потребителя идола^и попирателя Бгѣ^и служителя мрѣти рачителя фило_софи^и любителя цѣломѣриа дѣлателя првѣѣ творителя книга^и сказате_ла грамотѣ прѣмстѣи писателя (336 об). Можно заметить, что в данном фрагменте сосредоточены слова, относящиеся и к другим тематическим группам слов: связанным с письменной культурой (книга, грамота) и обозначающим предметы языческой религии (вѣсѣ, кѣмирѣ, идоль).

Такую же текстообразующую роль играют и лексико-семантические группы глаголов, например, психического действия и воздействия: не добивалсѣ влѣчѣтва ни вертѣлсѣ ни тшлсѣ ни наскакива^а ни накѣпалсѣ ни насѣлывалсѣ посѣлы (301), наказанте безоумны^и оутѣшанте печалныя поаниманте немоцныя дрѣѣ држга покрѣпланте (315 — 315 об), или говорения: что тѣ нареку ш епѣпе или что тѣ именемю или чим тѣ прозовѣ и како тѣ провѣщаю или чим тѣ меню или что ти проглашѣ како похвалю (333).

Организация цитат из текстов Священного писания в стиле «плетения словес» также подчинена принципам лексических и семантических повторов, поэтому цитаты подбираются таким образом, что дублируют друг друга, совпадая в словесном составе или в выражаемых ими христианских идеях, или составляются и подбираются по ключевому слову, чтобы повтор как главный прием, как основа языковой структуры текста сохранялся.

Например, фрагмент, в котором обнаруживается развернутая цитатная амплификация — здесь 24 цитаты из разных частей Псалтыри:

Милости господна исполниса земля да ѡбоятсѣ Господа всѣ зем_ла и исполнитсѣ всѣ земля славы его бѣдетъ и бѣдетъ да подвижет_са от лица его всѣ земля во псалмѣхѣ воскликнемъ емѣ ако Богъ велии Господь Царь велии по всен земли воскликнете Господевн всѣ земля ѡвидѣте ако тон есть Богъ нашъ тон сѣтвори ны а не мы себе. Воспонте Господевн всѣ земля вѣскликни Богѣ всѣ земля всѣ земля да поклонит ти са и да поет тебѣ да поет же имени твоємѣ вышнии ако ты Господи един вышнии во всен земли зѣло превозне_сеса надъ всѣми боги. Изъ познах ако велии Господь и Богъ нашъ надо всѣми боги. Господи Господь нашъ ако чудно има твое по всен земли. Вознесисѣ на небеса Боже и по всен земли слава твоѣ по имени твоємѣ Боже тако и хвала твоѣ на конци земли ѡпование всѣмѣ концемъ земли и сѣшимъ в мори далече вонми и посѣти всѣхѣ азыкѣ и ѡвѣдають ако има тебѣ Господь и ты единъ вышнии по всен земли. Вѣскресни Боже сѣди земли ако ты наслѣдиши во всѣхѣ азыкѣхѣ (303-303об.)¹⁴.

Ключевые слова — земля встретилось 16 раз, вся — 18, Господь — 11, Бог — 7 раз, и повторы на словообразовательном и семантическом уровнях.

Для создания лексической избыточности и риторической сложности

текста писатель использует все возможные языковые средства, не избегая употребления сниженных и простословных выражений. Поэтому в тексте обнаруживаются словесные ряды, составленные как из изоциррированных книжно-псалтирных лексических элементов, так и из сниженных просторечных слов.

Древнерусский агиограф стремится подробнее рассказать о различных конкретных фактах из жизни пермского епископа, о жизни реального человека, своего соотечественника, совершившего великий христианский подвиг, и делает это с помощью конкретной же лексики.

А еже повешаное школо идолъ или кровля на^а ними или приношеніе или на украшенное и^а принесенное или соболи ли кѣници ли горностапи ли ласици ли вобры ли ласици ли ме^аведна ли рыси ли вѣлки то все събравъ единѣ кѣчю складе и шгневи предасть ѿ а кѣмира пре^ак^а швѣхо^а в лобъ ѿдараше ти пото^а топоро^а иссечаше ѿ на малаа поленца и шгнь възгнѣтивъ швое сгараше шгне^а и кѣча с кѣницами и кѣми^а вкѣпѣ с нѣми (279);

Добры же Стефанъ... по кѣми^аница^а и^а хожаше и в ноци и во днѣ по лѣсѣ и по полю и без народа и пре^а народо^а и швѣхо^а в лобъ идола и по ногамъ скрѣшеша ѿ и секирою ссѣчаша ѿ на ѿдеса разсѣкаше ѿ и на ивереніе разскрошаша ѿ и до конца искоренашеть ѿ и шгне^а сжаша ѿ и пламене^а испепелеша ѿ и сам ѿ ни^а цѣль бываша (280 об).

Таким образом, древнерусские житийные тексты, написанные в стиле «плетения словес», находясь в открытой зоне, в зоне «смешения традиций», отражают принципы словесной организации текста, заложенные в церковнославянском каноне и одновременно с этим в живом русском языке.

Отсюда лексическое богатство и разнообразие форм словесного выражения. При этом разные лексические элементы не находятся в конфликте внутри текста. Они, строго организованные в словесные ряды, ассимилируются, создавая удивительный словесно-художественный мир произведения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. Грихин В.А. Проблемы стиля древнерусской агиографии. XIV-XV вв. М., 1974.

² Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.

³ Соболевский А.И. Южнославянское влияние на русскую письменность. СПб., 1894.

⁴ Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903.

⁵ См., например: Голубинский Е.Е. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра. М., 1909. Сперанский М.Н. История древнерусской литературы. Московский период. М., 1921. Успенский Б.А. История русского литературного языка. (XI-XVII вв.). München. 1987.

- ⁶ Лихачев Д.С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. М.-Л., 1958.
- ⁷ См. подробнее: Иванова М.В. Древнерусские жития конца XIV-XV веков как источник истории русского литературного языка. М., 1998. С.193-202.
- ⁸ Житие Стефана Пермского. Рукопись РНБ (Санкт-Петербург), собрание Погодина, № 862. XVI в.
- ⁹ Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963. С.141. Виноградов В.В. О теории художественной речи. М., 1971. С.49.
- ¹⁰ В скобках указывается номер листа рукописи по пагинации XIX века, сделанной на каждом листе.
- ¹¹ См.: Лопатин В.В. Лексическая вариантность и словообразовательная синонимия // Вопросы грамматики. Ученые записки Пермского ун-та. №243. Пермь, 1972.
- ¹² См., например, названия жителей в таможенных книгах: Памятники южновеликорусского наречия. М., 1982.
- ¹³ Колесов В.В. Синонимия как разрушение многозначности слова в древнерусском языке // «Вопросы языкознания». №2. 1985.
- ¹⁴ Сноски на псалмы, цитаты из которых сплетены в этом фрагменте текста, приводятся в издании: Житие святого Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. Издание Археографической комиссии. СПб., 1897. С.65.